DOI 10.31833/12-11-2021-IV-130-136

Данилко Е. С. (Москва)

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. ОТНОШЕНИЕ К КРЕЩЕНИЮ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГРУППАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Непосредственным продолжением конкретных положений религиозного учения и, соответственно, выраженным этноконфессиональным маркером для современных старообрядцев является традиционная обрядность, связанная с крещением и похоронно-поминальным комплексом, то есть важнейшими (начальным и конечным) вехами жизненного цикла. В отличие от других обрядов, традиционно называемыми в этнографии «семейными», а также календарными, определяемыми формами хозяйствования, их описание являет собой не реконструкцию, а часть реально существующего контекста. Кроме того, как показывают полевые исследования, и как следует из имеющихся публикаций, в этих комплексах совершенно явственно выделяется определенный набор элементов, который можно обозначить как «старообрядческий». В связи с этим, их изучение позволяет в определенной мере выявлять степень сохранности и включенности старообрядческой традиции в этническую культуру тех или иных финно-угорских групп.

Настоящая статья подготовлена на основе полевых этнографических материалов, собранных на территории Урало-Поволжья среди различных групп старообрядцев, различных как по субконфессиональной (поповцы и беспоповцы), так и по этнической принадлежности (русские, мордва, язьвинские и зюздинские пермяки). Здесь будет обращено внимание не столько на описание этнографических фактов, сколько на их существование в дискурсе, возникающем при обсуждении со старообрядцами темы о конфессиональной принадлежности и групповых различиях, значимости этих различий и способах их поддержания.

Практически до 1920–1930-х годов прошлого столетия во всех поповских и беспоповских согласиях, за исключением страннического, крещение тесно связывалось и служило логическим завершением родильного комплекса, состоящего из специальных ритуальных действий, имеющих как практическую направленность (обеспечение благополучного исхода родов), так и магический смысл (предохранение роженицы и ребенка от злых сил, порчи, сглаза). До этого же времени, по словам информаторов, сохранялся и институт повитух. Замкнутость старообрядческого быта и установка на ограничение контактов с иноверцами при выборе повивальной бабки не проявлялись. Она, как и в других региональных группах, выступала лицом «надконфессиональным» [Листова, 1989. С. 143; Аргудяева, 2000. С. 270].

Представление о крещении как о втором, духовном рождении, глубоко проникло в народное мировоззрение: «*Это самое первое у человека. Если он некрещеный, то за него же и молиться нельзя, и ничего нельзя, ни исповедоваться, ничего.* [А как покрестили, можно?] *Как покрестили, можно*». После крещения человек, считается принятым в сообщество верующих и в социум вообще, он не обезличен, его уже можно называть по имени: «*Он после становится как мы, до этого ж и имени у*

него нету. Он теперь наш уже. [А до этого он чей?] *Ну, не знаю, не божеский только»* [ПМА, 2004. *Д.* Порубово Афанасьевского р-на Кировской обл.]. Именно после совершения таинства человек попадает под божественную защиту и находится в относительной безопасности, все происходящее с ним в дальнейшем будет зависеть уже от правильности («негреховности») его поведения: «*Крещение младенца защищает, он же потом, если не грешит, всегда будет спасен, от беды, от всего»* [ПМА, 2005. *Д.* Садовка Сетрлитамакского р-на РБ]. Природа человеческих болезней до крещения объясняется старообрядцами как не имеющая физического, объективного происхождения, отсюда и представление о необходимости скорейшего крещения ребенка, чтобы уберечь его от болезни, сглаза и возможности «грешной» смерти*: «Надо уж не ждать долго, побыстрей крестить. Он же* (ребенок – Е.*Д.*) *в этой время и заболеть может, изурочат ли что, и умереть, грех будет, потом ведь не отмолишь, если умрет некрещеный»* [ПМА, 2004. *Д.* Кабаевка Северного р-на Оренбургской обл.]. Соответственно – это и средство спасения в случае опасности: «*Вот, моя дочь, уроки* (сглаз – Е.*Д.*) *на ней были, чуть не умерла даже. Побыстрей окрестили, она и выздоровела»* [ПМА, 2004. *Д.* Рагоза Афанасьевского р-на Кировской обл.].

Охранительная способность и спасительность крещения проявляются, по убеждению старообрядцев, только при крещении «истинном», т.е. старообрядческом, совершенном по правилам «святых отец». Соответственно это предполагает обязательства по отношению к близким людям: «*У меня муж-то «мирский» был, перекрестился, я уговорила. Жалко же, чтобы в чужой вере жил.* [А дети в какую веру крещены?] *И дети в нашу. Некрещеные-то будут ругать мать на том свете.* [А если крещеные, но в другой вере, в «мирской»?] *Тоже грех. Еще больше. Спросят с меня: «Как же ты допустила?»* [ПМА, 2004. *Д.* Рагоза Афанасьевского р-на Кировской обл.]. Нередко даже те информаторы, которые не относят себя к верующим, считают нужным держать дома старинные иконы *(«от родителей остались»*) и крестить детей по старообрядческим канонам: «*Какая я старообрядка? Не молюсь, с малости не привыкла, нас воспитывали, что Бога нет. Детей крестила, конечно. И внука. А как же? У меня мать богомолка была. Пусть сами решают, молиться, не молиться, уж в нашей вере помрем»* [ПМА, 1997. Г. Благовещенск РБ].

В соответствии с устоявшимся каноном, крестить младенца следовало на восьмой день после рождения. Этого правила в ряде общин придерживаются до сих пор. Однако более распространенным стало совершение таинства уже на третий день (*«после трех бань»*), либо вообще отсутствие каких-либо правил на этот счет (все зависит от случая, возможности, каких-то частных обстоятельств). Если новорожденный казался нежизнеспособным, старались окрестить его как можно раньше. В таких ситуациях допускалось исполнение обряда мирянами – родителями, повивальной бабкой. Нередко, ожидая приезда наставников из отдаленных населенных пунктов, крестят не новорожденных, а уже подросших детей. Крещение детей пожилыми женщинами, *«бабушками»*, в силу ряда обстоятельств (отсутствие храмов, священников, боязнь властей) было обычной практикой в советский период и сохраняется до сих пор. В поповских общинах по возможности старались «довершить» домашнее крещение (часто называют *«погружение»*) в церкви: «*Мы от церкви далеко живем, у нас бабушки купали, потом в*

церкви довершали. Нас вот бабушка крестила, но довершать все равно должен батюшка»; «Бабушки погружают, также как священник, только миром не мажут. А потом поп не окунает, а ставит только в таз ногами. И книгу читают, довершают, значит» [ПМА, 2004. Д. Рагоза Афанасьевского р-на Кировской обл.]. У беспоповцев такое крещение считается уже достаточным и в сложившихся условиях оправданным: *«В основном крестили женщины, старушки в младенческом возрасте, а в моленной не крестили после этого. И у мордвы, и у русских также. А что делать, раз нужда, нету наставников, вот и крестят старушки сами»* [ПМА, 2005. Г. Стерлитамак РБ].

Как известно, канонические правила, существовавшие в православной церкви до никоновских реформ и сохраненные старообрядцами, содержат, в числе прочих, предписание не крестить в одной воде несколько человек, меняя ее для каждого. Соблюдение его до сих пор является одним из обязательных условий «истинности» обряда: *«У «мирских» всех в одну купель, а у нас нет, для каждого надо отдельно. Такое правило»* [ПМА, 1999. С. Мраково Кугарчинского р-на РБ].

Воду для крещения берут из проточных водоемов (рек, родников) или колодцев, не подогревают, иногда оставляя на ночь в купели: *«В это время ангел воду греет»* [ПМА, 2004. Д. Кабаевка Северного р-на Оренбургской обл.]. Ее приготовление входит, как правило, в обязанности крестных родителей ребенка или непосредственно человека, совершающего обряд. После завершения ритуала вода выливается в укромном месте (*«где никто не ходит»*). У старообрядцев зюздинцев в летнее время «бабушки» крестили в реке: *«Летом в Каме крестили. Кладут обруч на воду, святят воду и погружает бабушка в этот обруч. С лодки или с мостков»* [ПМА, 2004. Д. Рагоза Афанасьевского р-на Кировской обл.].

Очередность тех или иных моментов ритуала и состав произносимых при этом молитв регулируются специальным требником. У «бабушек» чинопоследование и молитвы могли различаться, обычно читали начал, «Верую» (так обычно называют «Символ веры»), молитвы по лестовке. До начала таинства купель окуривается ладаном, на ее краях закрепляются и зажигаются восковые свечи. Произнося молитву, окрещиваемого трижды окунают с головой в купель: *«Нужно, чтобы ни один волосок не остался сухим»* [ПМА, 2001. Г. Сибай РБ]. При этом его каждый раз поворачивают посолонь (лицом на восток). Спор между старообрядцами и приверженцами официальной церкви о правильности «обливательного» или «погружательного» крещения был одним из основных после церковного раскола. До сих пор полное троекратное погружение окрещиваемого в купель остается самым главным отличительным признаком «истинного» крещения: *«По старой вере купают, а по мирской – нет. Это самое главное. Они неправильно делают, наспех, абы как, а мы как Христа крестили, так делаем»* [ПМА, 2004. С. Ваньково (Сюиб) Красновишерского р-на Пермской обл.]. После накидывания нательного креста, на младенца надевается рубашечка, которая обязательно перевязывается поясом.

Среди старообрядцев различных беспоповских согласий существует запрет на купание и переодевание окрещенного в течение нескольких дней. Например, у старообрядцев мордвы рябиновского согласия в Башкирии. Назвать причину соблюдения этого обычая информаторы затрудняются, ограничиваясь

высказыванием «*так по вере положено*» и приводя как дополнительный аргумент в пользу его правильности древность происхождения («*старики так издавна делали*»). Исследователи объясняют эту особенность следующим образом: в соответствии с канонами православной церкви на восьмой день после крещения должно было происходить «омовение мирро», а до этого запрещалось прикасаться к местам, предназначенным для миропомазания и менять крестильную одежду. Описанная практика закрепилась в старообрядческой традиции, тогда как в официальной православной церкви обряд был значительно упрощен. Его стали совершать непосредственно после крещения. А у беспоповцев, таким образом, несмотря на отсутствие самого таинства миропомазания, сохранились связанные с ним ограничения [Листова, 1989. С. 209].

Главными участниками обряда крещения являются крестные родители – кумовья (восприемники). Особое место, занимаемое ими в представлениях старообрядцев, определяется важностью самого таинства, отсюда и двоякая роль кумовей: религиозно-магическая (отрекаясь за окрещиваемого от дьявола, отдавали его под защиту христианских святых) и социальная (приобщали крестника к социальной общности, в данном случае к православной общине).

Выбор крестных родителей значительно затрудняли брачные запреты, существующие между людьми, вступающими в духовное родство. Официальное православное законодательство после XVIII–XIX вв. шло по пути сужения круга лиц, связанных таким образом, а по народным представлениям изначально он был гораздо шире, но постепенно сблизился с церковным [Листова, 1989. С. 39–40]. Свойственное же для старообрядческого быта строгое следование дониконовским религиозным канонам совершенно исключало такую возможность. Запрет на браки между кумовьями распространяется, по словам информаторов, на четыре поколения, поэтому чаще всего их выбирают из кровных родственников (дядя, тетя, племянники и т.д.): «*Лучше, конечно, из родных выбирать, им ведь потом жениться-то нельзя*»; «*Одному человеку можно двоих-троих крестить, лучше из своих родных, из близких*» [ПМА, 2004. Д. Илюши Афанасьевского р-на Кировской обл.; д. Садовка Стерлитамакского р-на РБ]. Институт кумовства, включая, таким образом, в круг близких родственников и крестных родителей, способствовал расширению семьи по боковой линии. Определенных правил по поводу количества восприемников (двое или один) уже не существует: «*У девочек только крестная, а у мальчиков – и тот, и другой, крестный и крестная*»; «*В нашей деревне положено двое, и мужчина, и женщина*»; «*Раньше, говорят, одного крестного приглашали, если девочка – женщину, а мальчику – мужчину. Теперь уж, кто как*» [ПМА, 2004. Д. Рагоза Афанасьевского р-на Кировской обл.].

Духовное родство считается таким же тесным, как кровное и влияет на характер дальнейших взаимоотношений всех участников обряда. Крестные несут ответственность за воспитание ребенка, без них не обходится ни одно значительное событие в его жизни: «*Потом уж без крестных никуда. Это самая для него* (окрещенного – Е.Д.) *родня теперь. Они и на свадьбе, и в армию провожают. И поругают, если озорничает*» [ПМА, 1998 г. Д. Александровка Мелеузовского р-на РБ]. Родители при совершении таинства обычно не присутствуют. Для матери к этому времени

еще на заканчивается сорокодневный период частичной изоляции, связанный с представлением о нечистоте роженицы. По окончании этого срока, родившая женщина должна получить от священника или наставника очистительную молитву, дающую ей право участвовать в богослужении вместе с остальными членами семьи и подходить к иконам в «красном углу»: «*Раньше родильница 40 дней не ходила в церковь. Говорили, что ей нужно сначала сороковую молитву получить. И даже батюшка в этот дом не должен заходить*»; «*Роженице нельзя ходить в церковь 40 дней. Дома можно подходить к иконам, но прикасаться нельзя. Крестят обычно на восьмой день, потому что Обрезание Господне было на восьмой день*» [ПМА, Д. Илюши Афанасьевского р-на Кировской обл.; с. Ваньково (Сюиб) Красновишерского р-на Пермской обл.].

Собственно старообрядческая специфика характерна и для завершающего акта обряда крещения – наречения именем. Согласно принятым у старообрядцев религиозным нормам, единственным источником для выбора служат древнерусские святцы. Этим объясняется и бытование в старообрядческой среде архаических имен. Как правило, новорожденный получает имя, записанное в святцах и совпадающее с днем крещения, хотя допускаются и некоторые отклонения в пределах восьми дней, также объясняющиеся по-разному: «*Можно на неделю вперед смотреть по святцам. Назад, говорят, нельзя, счастье отнимаешь у ребенка*»; «*Мальчиков на восемь дней вперед можно смотреть по календарю, по старому стилю, а девочкам – и в ту и в другую сторону*» [ПМА, 2004. Д. Илюши Афанасьевского р-на Кировской обл.]. Нередко жесткая зависимость выбора имени от святцев, приводила к тому, что в многодетных старообрядческих семьях два ребенка могли называться одинаково: «*У нас в семье было две Марии*. [А как различали?] *Да, смеялись, говорили, старшая Маша, да младшая*» [ПМА, 1998. Д. Александровка Мелеузовского р-на РБ]. В настоящее время старообрядцы в большинстве случаев продолжают руководствоваться святцами, но в повседневной практике нередко предпочитают заменять крестильное имя каким-либо другим, более современным по звучанию: «*По святцам меня Феодосией зовут, и поминать так будут. А так уж Татьяной называют все. Таких старых имен ведь нету теперь, боялись, что смеяться будут в школе*» [ПМА, 1997. С. Нижне-Троицкое Туймазинского р-на РБ].

Вместе с тем крещение у старообрядцев не всегда однозначно связывается с родильным комплексом. Оно может совершаться и над человеком зрелого возраста. Подобные ситуации возникают в случае перехода его из официального православия в старообрядчество или даже из одного старообрядческого согласия в другое. Кроме того, собственный подход к этому таинству сохранялся, как известно, в странническом согласии, когда крестились уже в преклонном возрасте или в случае тяжелой болезни («*в смерть*»).

Исследователями старообрядческой культуры Северного Приуралья отмечалось распространение под влиянием странников подобного подхода к крещению и у старообрядцев других направлений, в частности, поморского. Крещение в зрелом возрасте коми-старобрядцев Средней и Верхней Печоры описывалась также А.А. Чувьюровым [Чувьюров, 2002. С. 36]. О бытовании предсмертного крещения у карел федосеевского согласия писала О.М. Фишман, предположившая, что оно отчасти заменяет отвергнутое беспоповцами таинство

Елеоосвящения, которое у православных совершается над тяжелобольными людьми [Фишман, 2003. С. 223].

Представление об очистительной силе крещения, помогающего избавиться от грехов, были характерны и для коми-пермяков. Священник Н. Блинов находил эти представления далеко «не невинными» и опасался возможности их дальнейшего укрепления: «Между ними существует верование, что какие бы грехи не сделал, хотя бы и человека убил, но если перед смертию окрестишься в реке **по раскольничьему обряду** (выделено мною – Е.Д.), то все твои грехи, как чешуя с рыбы спадут… Крещение раскольников пермяков признается таинством, посредством которого могут быть омыты грехи. Вследствие этого крещение у раскольников является равнозначущим последнему предсмертному покаянию православных христиан и приобщению святых тайн, почему и совершается оно у них только уже перед смертью. По рождении младенца, старики, руководители раскола дают новорожденному имя; и только когда приходит смертный час, больной должен окреститься. Человека в самой тяжелой болезни обыкновенно вечером, несут, или везут, например, зимой к проруби; здесь один из главных уставщиков и его помощники, с приличными случаю причитаниями, раздевают больного и на холсте, продев холст меж ног, погружают в воду весьма медленно три раза… Раскол пользуется сочувствием у православного населения, крещение предсмертное не редкость и между православными… При предсмертном крещении дается новое имя, под которым он поминается родственниками» [Блинов,1865. С. 62]. Современными исследованиями такие представления выявлены не были, хотя вера в очистительность крещения и его могущество сомнению не подвергаются.

Таким образом, из описания существующего в настоящее время старообрядческого таинства крещения и связанного с ним обрядового комплекса следует, что стремление старообрядцев к строгому следованию канонам не препятствовало гибкости их религиозной практики. Возвращение к архаическим раннехристианским формам (крещение мирянами, использование сокращенного чина) позволяли, с одной стороны, восполнять или полностью заменять отвергнутые таинства (у беспоповцев), с другой, оставляли возможность для совершения посвятительских обрядов при отсутствии священников (у поповцев). В то же время сохраняется устойчивый набор признаков, определяемых как «старообрядческие» или «истинные» (троекратное погружение, надевание креста и пояса, имянаречение по святцам) и способствующих поддержанию групповой границы, как в русских, так и в финно-угорских общинах.

Источники и литература:

1. Аргудяева Ю. В. Старообрядчество на Дальнем Востоке России. М., 2000.
2. Блинов Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда // ВГВ. 1865. № 59–67.
3. Листова Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX вв.) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 142–170.
4. Листова Т. А. Кумовья и кумовство в русской деревне // СЭ. 1991. № 2. С. 39–40.
5. Полевые материалы автора (далее – ПМА), 1997. С. Нижне-Троицкое Туймазинского р-на РБ; г. Благовещенск РБ.
6. ПМА. 1998. Д. Александровка Мелеузовского р-на РБ.
7. ПМА. 1999. С. Мраково Кугарчинского р-на РБ.
8. ПМА. 2001. Г. Сибай РБ.
9. ПМА. 2004. Д. Илюши, д. Рагоза, д. Порубово Афанасьевского р-на Кировской обл.; д. Садовка Стерлитамакского р-на РБ; С. Ваньково (Сюиб) Красновишерского р-на Пермской обл.
10. ПМА. 2005 г. Д. Илюши Афанасьевского р-на Кировской обл.; с. Ваньково (Сюиб) Красновишерского р-на Пермской обл.
11. Чувьюров А. А. Таинство крещения коми старообрядцев-беспоповцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.9. М., 2002. С. 30–38.
12. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.